

БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

ОГОНЕК

№ 9

1988

Александр ИВАНОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СЛОВО — НЕ ДЕЛО

Александр ИВАНОВ

СЛОВО — НЕ ДЕЛО

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Александр ИВАНОВ

Александр Александрович Иванов родился в 1936 году в Москве и живет здесь уже более полувека.

Половину жизни он посвятил работе в жанре литературных пародий и эпиграмм. Автор девяти книг: «Любовь и горчица», «Смеясь и плача», «Не своим голосом», «Откуда что...», «С Пушкиным на дружеской ноге», «Плоды вдохновения» и других.

Почти десять лет ведет на Центральном телевидении цикл развлекательных программ «Вокруг смеха».

Пародии А. Иванова переводились на болгарский язык и выходили в русских поэтических антологиях в Румынии.

1. Стихотворцы

ЗНАК СУДЬБЫ

...При рождении мальчика Глинки
На дворе засвистал соловей.

...Я люблю твои трюки, Природа,
Твой лукавый и точный замах!

(Татьяна Бек)

Без мистического наваждения
(Для меня чертовщина — табу!)
Происходит в минуту рождения
То, что впредь обозначит судьбу.

Знак лукавой Природы — немало!
Получил от нее — и владей...
Так всегда, мне сказали, бывало
У прославленных в прошлом людей.

Видно, не миновать испытаний
Мне, которой Природа не враг...
При рождении девочки Тани
Соловей промолчал — свистнул рак!

ЭКСПЕРИМЕНТ ВЕГИНА

Испытаем, братья, стихи наши без трусости.
Вечный огонь беспощаден и свят.
Хорошо горят гениальные рукописи.
Плохие рукописи не горят.

(Петр Вегин. «Главный эксперимент Хлебникова»)

Покушав однажды гоголя-моголя,
кудри классические разметав до плеч,
решил повторить я эксперимент Гоголя—
собрал свои рукописи и начал жечь!

Вспыхнули рукописи — жуткое дело.
Глаза зажмуриваю — костер еретика.
Думаете, не страшно, когда горит тело?
Во рту пересохло, а ни глотка...

Главное, братия, смелее, без трусости!
Недаром коллеги с завистью говорят:
«До чего ж гениальные у Вегина рукописи,
обратите внимание, как горят!»

Эксперимент завершился классически,
но вдруг злопахатель некстати влез:
«Да он их, жулик, кажись, керосинчиком,
отсюда — и пламя до небес...»

ПРОБЛЕСК ГУМАННОСТИ

А мой теперешний удел?
Скот не пасу, не жну, не сею.
Добротных пращуровых дел
Не разумею.

Зарезать борова? Боюсь.
Его мне жалко.

(Александр Гевелинг)

Завиден пращуров удел!
Не устаю об этом мыслить;
Пахали, сеяли — их дел
Не перечислить.

Пололи, жали и пасли,
Скребли, варили, воздвигали,
Сучили, мяли, волокли
И запрягали.

У них и жизнь была полна—
В трудах с рассвета до потемок.
Но изменились времена,
Я — их потомок.

Не занимаюсь я ничем,
Не строю, даже не ломаю.
Пишу стихами. А зачем—
Не понимаю.

Я пращуровых дел бегу,
Зачем они — на всем готовом...
Зарезать если и смогу,
То только словом.

И не заманишь нипочем
Меня туда, где небу жарко...
А вот читатель ни при чем.
Его мне жалко.

НА ПОЛПУТИ К ПОЛУДРАМЕ

Как же вышло, что вдруг
мне хватило любви половинной,
полумуж, полудруг,
полудевочка, полужена.

(Людмила Гончарова)

Ты пуловер надел,
а в глазах у тебя полувера,
я тебя полюбила,
но ты оказался — не то.
Ты мне лишь полумуж,
и твоей головы полусфера
нежно полулежит
на ратинговом полупальто.

В полудреме сидим,
расплывается грусть в полумраке,
и мерцает в глазах
у обоих у нас полусвет...
Не родился бы вдруг
в непонятном таком полубраке
полубог знает что—
полудевочка, полупоэт...

РОДОСЛОВНАЯ

Чтоб не было каких-то кривотолков:
Мол, прадед твой, наверно, из дворян,
Я древо родовое за проселком
Нашел вчера среди лесных полян.

(Владимир Дворянсков)

Суровая штукавина — анкета.
В моей, к примеру, найден был изъян:
Фамилия Дворянсков — что же это,
Никак из недорезанных дворян?

Лишился от обиды я покоя,
Хотелось крикнуть: да избави бог!
Кому могло взбрести на ум такое?!
Но доказательств привести не мог.

Своею родословной с интересом
Занялся я. И вот однажды шел,
Насвистывая Пахмутову, лесом
И древо родовое вдруг нашел.

Его узнал я. Размахнулись ветки,
Я прислонился к дереву плечом...
На нем мои недавно жили предки.
Дворяне здесь, конечно, ни при чем.

БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ

Я — добрый бог. Без чванства божьего
И всем понятен до конца.
И ты люби меня, хорошая,
Как человека и творца.

(Николай Дмитриев)

Спасибо доброму издателю,
Я доказать хорошей смог,
Что я — родимый брат создателю,
А это значит, — тоже бог!

Она сначала мне не верила,
Смеялась, голову склоня,
Пока однажды не проверила,
И нынче верует в меня.

Ведь вот когда без чванства божьего
Стихи я миру подарил,
Воскликнула моя хорошая:
«О боже, что ты натворил?!»

ЭЛЕКТРОННЫЕ СТИХИ

(Александр Еременко)

В тумане радиоактивном,
Когда последний датчик гас,
Быть термоядерно-активным
Мне не мешал противогаз.

Когда в магнитное лекало
Включался электронный страж,
Все человечество алкало
С утра C_2H_5OH .

В глуши коленчатого вала
На биссектрисе бытия
Густая женщина зевала
И стала женщина — моя.

Технологическим домкратом
Меня тянула на Олимп.
И, обзывая технократом,
Ко лбу привинчивала нимб.

Способен осознать все это
Лишь тот, кому известен код.
Вот перфокарта на поэта:
Он — трансформатор. И диод.

АВТОПОРТРЕТ

(Иван Жданов)

Распахано зеркало. В снежные груди
спешит из рельефа стреноженный сом
сушить под водой негативы Иуды
над сферой нависших в зубах хромосом.

Зияет во мне перфокарта рентгена,
лежу, коллапсируя варежкой всей.
Струится гербарий. И сном автогена
Медузу, Горгону кромсает Персей.

Фарфоровый месяц устать не боится,
чугунный венок излучает экстаз.
Программа костей от часов отслоится,
и в пол вдохновенный встет дикобраз.

Пусть бесится критик! Ан крыть ему нечем,
причастен Харон к многоструйной судьбе.
Ударит по раме остывшая печень
в углу мироздания на чахлой резьбе.

Исход непонятен, и взгляд необычен,
как в дырке от бублика тающий гвоздь,
а все потому, что я метафоричен,
подобно спирали, включенной насквозь.

ЗИМНЯЯ ФАНТАЗИЯ НА СЕНАТСКОЙ

Посредине зимы перед Зимним дворцом
Нам стоять на плацу с обнаженным лицом.

Чтобы здесь, на Сенатской, посреди декабря
Расцвести...

(Александр Ибрагимов. «14 декабря, 1825»)

Я стою на плацу перед Зимним дворцом
С искаженным от страха и горя лицом.
Что такое — скандал, наваждение, бред?
Где Сенатская площадь?! Должна быть, а нет!
На Сенатской стою... Страх не сходит с лица:
Нету Зимнего здесь, хоть убейте, дворца!

Я подобного просто не в силах понять,
По моим представлениям, он должен стоять!
С убеждением этим я вырос и жил,
Я об этом стихи в одночасье сложил!
Мне со смехом сказал пробежавший юнец:
«Отродясь не стоял здесь твой Зимний дворец.
Ты бы, дяденька, прежде чем что-то писать,
Потрудился хотя бы об этом узнать...»

ПУТЬ В КЛАССИКИ

Блок мучил Менделееву,
А Пушкин Керн извел.
Зачем тебя жалею я.
О, форменный осел!

(Валерий Иванов)

Бессмертной славы жаждая,
Не мысля умирать,
Задумался однажды я:
Как в классики сыграть?

Я женщинам сочувствую,
Я даже их люблю
И этим самым, чувствую,
Бессмертие гублю.

И вот я туча тучею
Который год хожу.
Всех женщин страшно мучаю—
В бессмертие вхожу!

Политику жестокую
Отныне провожу
И к Пушкину и к Блоку я
Все ближе подхожу.

Страданиями увенчаны,
Омыв слезами грудь,
Меня проводят женщины
В последний скорбный путь.

И на табличке медненькой
Напишет женский пол:
«Спокойно спи, наш бедненький,
Наш форменный осел!»

КОСМИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА

И некуда себя девать,
И одного хотелось мне бы—
Лежать на крыше и плевать
В астрономическое небо.

(Александр Истольнов)

Поэт — венец природы, бог.
Не оскандалиться и мне бы.
Лежу на крыше, шлю плевков
В астрономическое небо.

Где звезд сверкает череда,
Летит плевков мой, как ракета...
Родится новая звезда
По имени Плевков поэта.

Взлет был рассчитан, точен, крут.
Казалось, будет все в порядке,
Но через несколько минут
В плевке возникли неполадки.

Небесных не достигнув тел,
Сойдя с орбиты, очевидно,
Плевков обратно прилетел,
На место старта, что обидно...

Утерся... Размышлений нить
Трагично рвется... Ум мой скован.
А главное, кого винить
За то, что я лежу оплеван?!.

К ВОПРОСУ О БЕССМЕРТИИ

Я на спине лежу,
тону в огромной тверди,
я жизнью дорожу,
не дорожу бессмертьем.

(Геннадий Калашников)

Лежал я на спине,
мысль опалила жаром:
бессмертья лично мне
не надобно и даром.

И, думая о том,
я чуть не разрыдался.
Но вдруг ударил гром
и с неба глас раздался:

«За жизнь скажи судьбе
спасибо, бога ради.
Бессмертие тебе
и не грозит, Геннадий...»

ХОТЬ ПЛАЧЬ

Ну, полно, не плачь над судьбою,
Не прячь неприкаянных глаз:
Заносы,
Загибы,
Запой—
Ведь это не главное в нас.

(Виктор Коротаев)

Судьбе задавая вопросы,
Ответствуйте «нет» или «да».
Загибы,
Запой,
Заносы—
Такая ли это беда?

Ведь как ни ярились враги бы,
В них творческий дух отражен.
Запой,

Заносы,
Загибы —
Несчастье безропотных жен...

В полях, в кабинетах, в забоях
Простятся нам эти грехи:
В заносах,
Загибах,
Запоях
Мы все-таки пишем стихи!

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Ах, все-таки душевные ребята,
едрена мать, в России слесаря!

(Владимир Костров)

Я не люблю поэзии эстрадной,
отравы для неискушенных масс,
крикливой, стадионной,
стыдно-стадной,
едрена корень, это не для нас!

Не надо мне поэзии витийской,
не публику ценю я, а народ!
С каких же пор
в поэзии российской,
едрена лапоть, все наоборот?!

Губами, пересохшими от жажды,
собравшись с духом,
стойк и упрям,
забуду ль, как стихи читал однажды,
едрена вошь, российским слесарям!

Они плевали смачно и курили,
чумазые, но к слову не глухи,
как слушали они,
как говорили:
едрена мать, отличные стихи!

СОНЕТ ОБ УМЕНИИ БРАТЬ В ДОЛГ

Пла ить долги?
Да впереди вся жизнь.
Успеется.
Ну что за спешка, право?
Но где ж они,
пред кем свой долг исполнить
Ты все грозился?
Те — ушли во прах,
А кто остался, уж о нем не помнят.

(Николай Котенко)

Над этим бились лучшие умы.
Не просто бились — мучились, страдали...
Суметь взять в долг, да так еще, чтоб дали!
Великое уменье — брать займы.
В искусстве этом — мудрость и печаль,
Актерский дар на уровне эпохи.
Долги — они единственно чем плохи?
Их надо отдавать.
А это жаль.
Я в этом тонком деле из умелых:
Беру займы, но лишь у престарелых.
Есть, правда, много способов иных,
Хоть в общем-то брать в долг — такая проза...
Займы брать можно и у молодых,
Но — с признаками раннего склероза.

ДИАЛОГ

Все тебе бы мять меня да лапать,
Ты с кого берешь такой пример?
Что же у тебя, ядреный лапоть,
Никаких красивых нет манер?

И катись-ка ты к чертям и лешим,
Тоже мне, нашелся Дон Иван.

(Нина Краснова. «Сетованье Ньюшки»)

— Что ж ты, сукин кот, меня залапал,
Это же гумно, а не панель.
Встал бы на колени лучше на пол
Али преподнес в презент «Шанель»!

Сел бы лучше рядом на диване,
А не то заместо чувств обман!
Может, даже звать тебя не Ваня,
Может, ты теперя Дон Иван?

— А чего ж,—смеется он,—не лапаты,
Нешто я какой-то моветон.
Ты ведь,—говорит,—едрена лапоть,
Тоже ведь не Лида Гамильтон!

ИЗ-ЗА МЫСЛОВ

(Марина Кудимова)

Необходимо вспять.
Мы — пленники.
Одарены в ноздрю талантом.
Мездра окучивает плевелы,
Праматерь бредит преискурантом.

На коз, уснувших под наркозом,
Внезапно снизошел не дух ли?
Одры кончают токсикозом,
А незаблудшие — протухли.

В душе — сто сорок пять по Цельсию,
А оборотни храм ограбили.
Хотят сосцами млеко сцеживать
Шпана, ханыги, мизерабли.

Любимый — головой на скатерти,
Неутоленности знак чей же?
Убогой
Зраком бдеть на паперти,
Сиречь тамбовской казначейшей?!

Прочь от укусов комариных,
Гиперболы осыпьте перхотью!..
Земля стоит на двух Маринах,
Но ужас в том,
Что я — не первая.

ГОРДАЯ ДУША НА ВОЛЕ

(Юрий Кузнецов)

Каждому таланту — свой удел.
Символами Пушкин не владел.

Был он славный малый, но педант:
Не туда направил свой талант.

· Это всей поэзии беда —
Вечно шла куда-то не туда.

Все, что ею создано в веках, —
Мертвечина, морок, гниль и прах.

В прошлом что ни гений — графоман,
Бред и вздор, подделка и обман.

Симонов — и вовсе черт-те что,
«Жди меня...» — типичное не то.

Сгнуло бы все в конце концов,
Но пришло спасенье — Кузнецов!

Он как воздух был необходим,
Понял это Кожинов Вадим.

Я да он — божественный дуэт,
А до остальных нам дела нет.

ОСКОЛКИ ДИАЛЕКТИКИ

(Юнна Мориц)

Когда материя первична,
Тогда сознание вторично.
Когда поэзия вторична,
Тогда все пишут на «отлично».

Когда поэзия в упадке,
То греют руки стрикулисты.
Когда поэзия в порядке,
То процветают пародисты.

ПЕСЕНКА ПРО ПОЭТА

(Булат Окуджава)

Нелегка судьба артиста.
И поэта — тяжела.
У него, как и у ангела,
всего лишь два крыла.
Нет ни алого камзола,
ни со шпорами ботфорт,
и война, уж извините,
не похожа на офорт.

Вот выходит он на сцену,
вот идет за веком век,
он не может, он не должен
опустить усталых век.
Пусть расстроена гитара,
он коснется вещей струн—
а арбатский барабанщик
снова жив и снова юн.

Что ему генералиссимус,
фельдмаршал и король!
Он, конечно, доиграет
ту единственную роль,
где хлопки аплодисментов
превращаются в пальбу,
где не жалуются на
ее величество Судьбу...

НАДО ИЛИ?..

Надо бы в Париж с тобой поехать,
В Лондон по Ламаншу переплыть...
Что тебе оставлю? Только эхо,
Только оторвавшуюся нить.

(Владимир Портнов)

Мы с тобой живем без происшествий,
В тихом русле наша жизнь течет.
Но, бывает, ветер путешествий
Нас с тобою в дальний путь влечет.

Надо бы в Париж, и в Лондон надо,
Было бы неплохо и в Мадрид.
И по Риму ты была бы рада
Прогуляться. Говорят, бодрит!

Надо бы по улицам Багдада
Или хоть Стамбула походить...
Но где надо говорят: «Не надо!»—
И придется с этим погодить...

ПОЕМ О СВОЕМ

Давай-ка мы попашем, как попляшем,
Давай-ка покуем, как попоем,
И что не наше — назовем не нашим
И потеплее скажем о своем.

(Олег Поскребышев)

Никто о том и в сказке не расскажет,
За что люблю веселый наш народ:
Пора пахать — а он, родимый, пляшет,
Пора ковать — а он, родной, поет.

То в радости, а то и бровь нахмурит,
Ни бог его, ни дьявол не берет;
Пора бурить — а он стоит и курит,
Пора пилить — а он сидит и пьет.

И что не наше, мы того не любим,
Так и живем — то пляшем, то поем...
А если что загубим, то закупим.
Не продадут — чирикаем в своем!..

ГОЛОС ИЗ МРАКА

(Татьяна Реброва)

Изо всех своих сил поднатужась,
Я хочу,
 запрягая коня,
Чтобы древний загадочный ужас
Обуял
 всех, кто любит меня.

Китежанка,
 раскольница,
 пряха,
Я неведомо где родилась.
И, восставши из смутного праха,
Я из хляби
 низвергнута в грязь.
Твердь земли,
 обогренная кровью,
Исказила отверстые рты.
Нищих я напоила любовью
И заштопала князю порты.
Глаз не пряча,
 острожных, надменных,
Я душой пересилила мрак.
Схоронила я всех убиенных,
Труп коня
 сволокла в буерак.
Ты ответствуй,
 языческий боже,
Справедливо такое аль нет:
Жизнь влачить
 мне приходится позже
На шестьсот приблизительно лет.
Видно,
 некуда бабе деваться...
Мне советуют: «Угомонись,
Выдь, Татьянушка, из декораций,
Встань под душ,
 оклемайся,
 очнись!..»

КОГДА-ТО В МОСКВЕ

(Евгений Рейн)

В квартире коммунальной, теперь таких уж нет,
Из туалета выйдя, не все гасили свет.
Там жили продавщица, профессор и альтист,
Худой как черт Данилов, возможно, и артист.

И одинокий Котов, философ, эрудит,
Как выяснилось позже, убийца и бандит.
И молодая дама, что, кутаясь в манто,
Работала ночами у станции метро...
Никто и никого там на «вы» не называл,
И пятый пункт анкеты жильцов не волновал.
Ко мне по коридору прокрадывались в ночь
То юная портниха, то генерала дочь.
И как же проклинал я, голодный донжуан,
Предательски скрипящий, продавленный диван!..
Объятья, сплетни, ссоры, дешевое вино!
Нам встретиться на свете уже не суждено
Ни в давних тех квартирах в исчезнувших домах,
Ни даже на Багамских волшебных островах...
Кто пил из этой чаши, тот знает, что почем,
А кто не понимает, то я тут ни при чем...
Прекрасную квартиру я вспомню, и не раз.
А смена декораций зависит не от нас.

НЕРАЗБЕРИХА

— Выпьем с горя, где же кружка?—
Няня кружку поднесла.
Пушкин выпил со старушкой,
Но печаль не отошла.

.
Няня, сетуя на зимы,
налила впотьмах вина,
стало все неразличимо—
где поэт и где она.

(Марина Тарасова)

Все смешалось в доме этом,
разобраться мочи нет:
няня выпила с поэтом
или с нянею поэт?

— Выпьем с горя, где же кружка?
Пропадаем ни за грош!..—
Где поэт, а где старушка—
ни черта не разберешь.

А погода так ненастна,
не слышать веретена...
Рассвело, и стало ясно—
где поэт и где она.

Но перо подвластно чуду:
чуть пропели петухи,
Пушкин начал мыть посуду,
няня села за стихи.

СРЕДИ ГРИБОВ

Я с любимой запрюсь где-нибудь,
учиню ей допрос, да с пристрастьем.

Взгляд блестящий — как лед голубой.
Закурю и вздохну отрешенно:
— Мухомор, что гуляет с тобой,
чем он лучше меня, шампиньона?

(Владимир Урусов)

Замер лес, дух лесной затая,
когда крикнул я басом гневливым:
— Я слышал, что волнушка моя
загуляла с масленком сопливым?!

Я сдержать возмущенья не мог
и ревнивою злобой налился.
— Это что ж за поганый грибок?
И откуда он вдруг появился?..

А она — видно, совести нет;
мол, о чем говорить с дурачками?—
только шляпкой качнула в ответ:
— Надоело гулять со сморчками!..

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

(Валентин Устинов)

Не вырваться уже
из западни:
окутан цепью ржавою железной,

на дыбу вздернут,
я висел над бездной,
и медленный огонь лизал ступни.

Я понял все: мне суждено пропасть,
шипела кожа,
рвался вопль из мрака,
вгрызалась в печень жирная собака,
но я плевал
в пылающую пасть.

Безумно хохотали палачи,
троились хари
в жуткой круговерти,
Зоил, смеясь,
напялил маску смерти
и сладострастно корчился в ночи.

Из преисподней подымался газ,
в кровавой пене
мчался астероид,
в единственном глазу
сверкал сфероид,
пока не вытек и последний глаз.

Слепящий луч сознания потух.
Я распадался,
но не ведал страха.
«Ужо, — я хрипло возопил из праха, —
отмстит врагам
неубиенный дух!»

Жаль, нынче не успею аз воздать,
сложу в мешок
раздробленные кости
и с дыбы слезу, —
зван сегодня в гости,
передохну,
а завтра — вновь страдать...

ЖУТКИЙ СЛУЧАЙ

В этом доме все немножко
На авось, нашармачка:
Нож без ручки, стол без ножи,
Дверь в уборной без крючка.

(Впрочем, зря себя не мучай,
Что там попусту дрожать?
Можно дверь, на крайний случай,
И рукой попридержать!)

(Илья Фояков (ранний))

Был однажды за границей,
Скажем так, один поэт.
И — с любимым могло случиться —
Забежал он в туалет.

Все культурно, без заминки;
Дальше дело было так:
Он захлопнул дверь кабинки,
А открыть — не знает как.

«Провокация... Ой, мама!..
Ищут, гады, дурачка...»
Ведь на дверце этой самой
Ни задвижки, ни крючка.

Словом, выхода не видно,
А вокруг-то не друзья..
Звать на помощь — несолидно,
Дверь ломать — никак нельзя.

Как же выйти на свободу?
В пору тут сойти с ума..
Он спустил с досады воду
И — открылась дверь сама!

Вот такой был жуткий случай
В мире ханжества и лжи..
Нет, у нас намного лучше —
Сам сиди, сам дверь держи!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕССОННИЦЕ, ФАСОНЕ И ФОГЕЛЬСОНЕ

(Олег Чухонцев)

Люблю, простите бога ради,
Всю ночь стихи писать в тетради,
Под утро погружаясь в сон.
Люблю друзей. И с ними иже
Мне более всех прочих ближе
Мой друг редактор Фогельсон.

Он дядя самых честных правил.
Когда мои стихи он правил,
По слухам, сильно занемог.
Его пример другим наука,
Теперь здоров. Но в том и штука,
Что лучше выдумать не мог.

Не описать моих страданий,
Я долго ожидал изданий—
Отныне мне сам черт не брат!
Теперь убогих нет чухонцев,
Но есть поэт Олег Чухонцев,
Который славен и богат.

И я готов слагать бессонно
Стихи во славу Фогельсона,
Пусть убедятся в этом все.
Хотя мне далеко до срока,
Лев Аннинский, великий дока,
Мне посвятил свое эссе!

Я отдал должное указу,
Не тяпнул водочки ни разу,
Все силы — резвому перу.
А впрочем, что там эссеисты,
Ведь вот уже и пародисты...
Отныне весь я не умру!..

В ТОСКЕ ПО ИДЕАЛУ

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Не был ли мир подобьем идеала?

(Людмила Щитакина)

Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Щипакина еще не сочиняла.
Был сам Адам мужчиною, а дама
Была подруга верная Адама.
...Вот наше время наконец настало
И, боже мой, что только с нами стало!
Возникли очень странные моменты:
Мужчины всюду — им... интеллигенты.
Я тут недавно с ужасом узнала
О женщине, что мужу изменяла!
О, страшное трагическое время,
На женщину легло такое бремя!
Как наше время к женщине жестоко,
Как женщине сегодня одиноко!
Днем бьется, как подраненная птица,
Приходит ночь — и ночью ей не спится,
И мечется под душным одеялом
В тоске по незабвенным идеалам...

НА КОНЮШНЕ

Забот у поэта —
Не взвесить весами.

С утра он за поиски
Рифмы берется.

И тянет он песню,
Как лошадь телугу.

(Григорий Леонович)

Какие у времени
Нынче приметы!
У нас на конюшне
Сплошные поэты.

Вот эта кобыла
Грустна и печальна,
Ведь ейная муза
Интеллектуальна.

А тот жеребец,
В деле неутомимый,
В поэзии вечно
Тоскою томимый.

Вот сивый наш мерин,
Он пишет поэмы.
Он предпочитает
Любовные темы.

Поэты ведь лошади,
Если угодно.
У нас «День поэзии»
Есть ежегодно!

То форму мы ищем,
А то содержанье...
А люди считают,
Что все это — ржанье...

2. ПРОЗАИКИ

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

(Чингиз Айтматов)

Часть первая

После бойни, учиненной в Моюнкумской долине деклассированными элементами ради выполнения скорректированного плана мясопоставок, в этих уже не девственных местах появился Авгий Конюшников.

Мыслитель-дилетант, изгнанный из семинарии за вольнодумство, он прибыл с гоп-компанией гонцов за анашой, дабы обратить души этих заблудших в лоно истинной веры, изобретенной им на скамейке вокзала города Кызыл-орда бессонной зимней ночью.

Задача была сложной. Алкоголики и бандиты, существа с интеллектом инфузорий, обращению не поддавались. Зато их обращение с Авгием поддавалось описанию, но читать это детям до 16 лет, престарелым, слаонервным, беременным женщинам, а также всем без исключения читателям на ночь не рекомендуется.

Лежа связанный, избитый в кузове грузовика на окровавленных тушах антилоп, Авгий смотрел на небо с бегущими облаками, и вдруг показалось ему, что некто в белом плаще...

Часть вторая

В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Он долго всматривался в стоящего перед ним босого оборванца, молча вздыхал, стуча сандалией о сандалию, думал.

— Ну,— спросил наконец Пилат, переминаясь с ноги на ногу и проклиная иудейскую жару,— упорствуешь, Назарянин?

— Упорствую, батюшка.

— Так ведь распнут тебя. Не боишься?

— Боязно,— помялся Иисус,— и неохота. Да куда ж деваться? Надо мне. Иначе христианство не возникнет.

— Ну, гляди,— огорчился Пилат,— жаль мне тебя. Я ведь тоже лицо историческое. И мне деваться некуда. Историю не перепишешь... Ты бы подумал еще маленько... Я бы тебя, если одумаешься, из страны выслал— и все дела! А так — умываю руки!

— Думал уже,— хмуро сказал Иисус.— Поздно. Идти надо.

— Ладно! — вздохнул Пилат и махнул рукой, не замечая Авгия Коношниева, появившегося на Арочной террасе, но невидимого потому, что предстоит ему возникнуть на земле в далеком двадцатом веке...

Часть третья

Дальнейшие события по законам новейшего романа не имеют к предыдущему ни малейшего отношения.

Известной поговорке вопреки погибли голодные волки, но при этом и овцы не остались целы...

А единственное светлое пятно в романе — репутация автора, да продлит Бог его дни во славу убиваемой, но никак не умирающей русской литературе, что возрождается, кипит и стенает, сама из себя...

ДВОЕ В КОМНАТЕ

(Владимир Амлинский)

Я живу на пятом этаже. Из моего окна видна Москва-река. Она движется и не движется.

Даша приходит ко мне под вечер.

— Привет! — говорит она.

— Салют! — отвечаю я.

Ее визит для меня неожиданность. Мы не виделись неделю. Поцарапались во дворе из-за пустяка: я люблю Джеймса Ласта, а она — болгарский конфитюр.

Я смотрю на ее полные загорелые ноги, и в голове у меня нет ни одной мысли.

— Что будешь пить? — спрашиваю я.

Она усмехается.

— В завязке. И тебе советую.

Мы молчим. За окном темнеет.

— Знаешь... — говорит она и запинаясь. — В общем, я Димку люблю... И выйду за него замуж.

В голове у меня пустота. Водки в холодильнике нет — это я знаю точно. Жаль.

— Он мещанин, — говорю я наконец. — Он интеллигент и рахит. Параноик и психопат. Делирик.

Даша плачет.

Мысли уносят меня в далекое прошлое. Да, это было прошлым летом. Небо было невыносимо голубым, трава нестерпимо зеленой. Стрекоталы кузнечики. Дашино жаркое дыхание сводило меня с ума. «Моя?» — «Твоя». — «Навсегда?» — «Навеки»!

— Переночуешь? — спрашиваю я. — Да ты не думай, я на раскладушке...

Сквозь слезы она отрицательно мотает головой.

Меня охватывает тупая апатия.

— Пойду, — говорит она.

— Иди.

Она легонько касается загорелой рукой моих спутанных волос.

— Прощай, мой мальчик...

Я горько усмехаюсь.

— Какой уж я мальчик...

Даша опускается передо мной на колени.

— А кто же ты? Акселератик глупый... Тебе сколько?

— А тебе?

— Семь с половиной.

— А мне шесть...

— Ну, вот видишь. Поживи с мое...

Она уходит к себе на восьмой. Гулко хлопает дверь. А мной овладевает глухая тоска.

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Опыт потустороннего юмора

(Аркадий Арканов)

В детстве, не знаю почему, я ужасно любил приврать. Я врал всем, во всем, всегда и везде. Причем без всякой пользы для себя.

Потом я заметил, что все люди тоже врут на каждом шагу неизвестно почему и зачем.

Когда я вырос, то стал писать смешные рассказы, в которых со свойственным мне оптимизмом описывал собственную кончину.

Как сейчас помню свои последние похороны.

Перед тем как меня вынесли из Малого зала Центрального дома литераторов, состоялась легкая непринужденная панихида.

— От нас ушел великий, замечательный писатель, — врал по бумажке один из секретарей Союза, который сделал все для того, чтобы я преждевременно покинул этот свет.

— Мы потеряли величайшего драматурга поистине шекспировской мощи, — врал второй, который при жизни называл мои пьесы «собачьим бредом».

— Перед его талантом бледнеют такие корифеи драматургии, как Штейн, Шток, Крон, Прут, Тур, Зак, Крепс, Минц и Радзинский, — врал третий, который периодически путал Брехта с Крахтом.

— Он был нашей национальной гордостью, — врал четвертый, который считает и по сей день, что русскую литературу погубили интеллигенты, евреи и франкмасоны.

— Дружить с ним было редким счастьем, его дружба согревала меня всю жизнь, — врал пятый (кстати, это был Григорий Горин), который меня всегда недолюбливал. Впрочем, я его тоже недолюбливал.

— Это был глубоко порядочный человек, — врал шестой, у которого, погорячившись, я соблазнил жену и, как выяснилось впоследствии, совершенно напрасно.

— Его душа и помыслы были чисты, как горный снег, — врал седьмой, который при жизни называл меня не иначе как «гнидой».

Потом принесли венок, перевитый траурной лентой с надписью: «Незабвенному Аркадию Шморканову от ЦК профсоюза обделочного комбината им. Вальтера Скотта».

...А я лежал с закрытыми глазами и слушал речи. Потом мне все это надоело, и я уснул навсегда.

Поэтому у меня ко всем огромная просьба: я никакой не писатель, я никогда ничего не писал, вы ничего моего не читали, и вообще — идите вы все и не оглядывайтесь...

ТОЛЬКО ХВОСТ ПОЗАДИ

(Василий Белов)

Нарколог Васисуалий Бедов, интеллигент из крестьян, всю жизнь боролся. Он боролся с алкоголизмом, завезенным в Россию иноземными корчмарями, с Пугачевой и джигансами, сексологами и французской косметикой, книгой «Аз и я» (эту гадость он не читал) и Сальватором Дали, генетикой и кибернетикой, экстрасенсами и коньяком «Апшерон», аэробикой и прочей омерзительной дребеденью.

Однажды он выехал с туристической группой в Париж. Группа была разношерстной. Десять дней промучился Бедов во Франции. Разврат и разложение обступали его со всех сторон. От витрин магазинов его тошнило. Циничная и отвратительная картина Тулуз-Лотрека преследовала неотступно. Все статуи в музеях были голые!

А тут еще это!

В их группе выделялась красотой и статностью Люба Ведмедева, жена его друга. Но около нее постоянно вертелись два похабных субъекта — ее одноклассник Миша Бреш и плешивый журналист Аркадий без отчества и фамилии.

Бедов однажды в холле гостиницы случайно подслушал их разговор. Они поспорили на бутылку виски «Белая лошадь», что журналист Любу...

Доказательств у Бедова не было, но он твердо решил по приезду все рассказать ее мужу. Это был его долг!

...Митя Ведмедев жутко страдал. «Смотрела Люба в Париже порнографические фильмы или нет? А если смотрела, поняла ли, как это гнусно, омерзительно, подло?»

Научная деятельность Ведмедева летела под откос. «Она изменила мне или изменит, какая разница», — билась в голове, терзала душу, разрывала сердце страшная мысль.

От сознания мерзостности всего происходящего нарколог Бедов напивался до бесчувствия. Его терзали апокалипсические кошмары. В редкие минуты просветления он продолжал бороться... Отстаивал славянское происхождение Иисуса Христа, отвергал компьютеры и моделирование конца света, пел по ночам песни Пахмутовой на слова Добро-нравова.

Прошло десять лет.

Нарколог Васисуалий Бедов женился на своей бывшей жене. Люба ушла к Мише Брешу. Все остальные жёнами поменялись. Ведмедев бросил науку, отпустил бороду и навсегда ушел в исконно-посконное, а также кондовое...

Восьмимиллионный город продолжал смрадно жить, разъедаемый метастазами, непрерывно жевал, глотал пепси-колу и «фанту», содрогааясь в конвульсиях и испражняаясь.

А Мишу Бреша все чаще видели в Колпачном переулке...

НА КАРАЧКАХ К ИСТИНЕ

(Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер)

1

«ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!

МУР. Начальнику отдела Шарашкину.

Записка по «ВЧ» № 1001

Сообщаю, что братья опять кого-то убили. Расклебывать придется вам. Форсируйте вызов всех опергрупп. Примите меры для обеспечения всего живого состава.

— Странно,— бормочет Ефремов.— Очень странно... Фантастика какая-то! Прямо Бредбери.

— Бред бери себе,— лениво шутит Шарашкин.— А чего странного? Обыкновенные братские штучки.

— Не пойму я чего-то,— задумчиво говорит Ефремов.— Опять они... Вроде бы совсем недавно мы ими занимались. Опять, значит?

— Правильно понял задачу! — говорит Шарашкин.— Действуй! А то интеллигентным стал очень... Скоро тебя опять путать будут со знаменитым однофамильцем. МУР это тебе не МХАТ!..

2

«ВЕСЬМА СРОЧНО!

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Москва, Петровка, 38, Ефремову.

Относительно братьев. В картотеке значатся: братья Гонкуры, братья Лаутензак, братья Майоровы, братья Grimm, братья Монгольфье, братья Стругацкие, братья Карамазовы, сестры Федоровы.

Ст. оперуполномоченный г. Чугуева
Х. Иванов».

Ефремов потер ладонями лицо. Он делал это всегда, если не успевал умыться. Ох, как устал! Ноги отваливаются, руки дрожат, глаза слипаются. Из носа капает вода. Смертельно хочется спать. В воспаленном мозгу плавают что-то рваное, бесформенное, безобразное и бессмысленное. Сердце проваливается в пустоту, сохнет во рту, екает селезенка, свистит под лопаткой, болит горло, свербит в носу, знобит и хочется плакать. К тому же пистолет давит на плевру, звенит в ушах, стреляет в затылке.

Ефремов в который раз вытряхнул из стола документы и вещественные доказательства, попробовал читать, но не смог. «На экспертизу надо отдать», — успел подумать он, снял телефонную трубку и заснул.

«...Для комплексного исследования представлено два объекта: А 00352 и А 00353.

1. А 00352. Под. к п. 20.III.1969 г. Фор. б. 70 × 108¹/₂. Об. 2,10 усл. п. л. 2,85 уч.-изд. л. Т. 100 750. И. № 611. Зак. № 304. Ц. 6 к.

2. А 00353. Под. к п. 20.III.1969 г. Фор. б. 70 × 108¹/₂. Об. 2,10 усл. п. л. 2,79 уч.-изд. л. Т. 100 750. И. № 812. Зак. № 305. Ц. 6 к.

Эксперты Кац, Валамова».

3

— Ну? — спросил Шарашкин.

— Ну и ну! — тихо сказал Ефремов.

— Ты хороший человек, — сказал Шарашкин, — но валенок. У меня таких, как ты, тридцать тысяч. И я за всех думать должен. А я старый. Тебе ведь что надо? Взять быка за рога! Вот и бери.

— Закручено очень, — пожаловался Ефремов. Просто не знаю, с чего начать.

— Загляни в конец и не морочь мне голову, — посоветовал Шарашкин. — Чай пить будешь?

...Читательская конференция работников МУРа по новой повести братьев Вайнеров «На карачках к истине» началась ровно в восемнадцать ноль-ноль. Там и застал Шарашкин Ефремова спящим со счастливым лицом.

О — О — О!

(Андрей Вознесенский)

Меня втянула в себя буква «о».

О — это мурашка в океане Вечности, это глаз Пикассо, устремленный на меня. Пикассо — гений. Он называл меня Андре, я его — Павлик. Покоривший мир, он мне сказал: «Только ты меня понимаешь...»

Хорошо помню, как я познакомился с Дырой.

Сначала она была в голландском сыре. Я не обратил на нее внимания. Когда сыр съели, она подмигнула мне кошачьим глазом. Запахло серой и Булгаковым.

По субботам к ней приходили гости. Обычно — Борис Годунов,

Гойя, Микаэл Таривердиев и брюшко Наполеона. Переделкино замира-ло. Играли в петуха. Я плакал от восхищения и бегал за бормотухой.

Угрюмые гены сумерек отражают спрессованный свет. Тени миро-вой культуры улетают в ирреальную дыру обратно в земное бытие. Ша-ровую молнию увозят в «скорой помощи».

Мы — творяне XX века. Надеюсь, что ЮНЕСКО объявит XXX век веком Вознесенского. По этому поводу мне звонила Майя Плисецкая.

Ключки сметенной энергии проваливались в нее как в бездну. Я вы-летал за ними как в аэродинамическую трубу. Как пел Володя Высоц-кий: «...Но мне туда не надо».

В мутных глубинах сознания возникает переделкинский борщ из ва-сильков Шагала. Борщ тогда уминали Боря, Тая, Валера, Зина, Коля, Ал-ла, Таня, Ваня и Веня. Балдели, кайфовали, блевали, шокировали, эпати-ровали, фурыкали, секли, волокля, контачили, врубались, вырубались, хияляли, берляли, сурляли и шмалляли. Никто из нас не облажался.

Утром я познакомился с другой дырой — от бублика. Это была серь-езная, отечественная дыра. С голландской у нее были натянутые отно-шения. Однажды ночью они подрались. Во всем Переделкине погас свет.

Я вышел из своего тела и шагнул в пропасть Памяти. Она впечатля-ла. Желтый апельсин, выкатившись из подъезда Политехнического, за-мер на границе графства Йоркшир. «Шире круг», — сказал мне Данте Алигьери. Оказалось, что это была Алигер. Я поклонился и опомнился на другом конце света. Тут же все снова померкло. Представляю расте-рянность Осведомленного критика. Представляю, какие антимионии раз-ведет его антиголова!

Тьма моей прозы обволакивает розовый куст, ставший вдруг се-ро-буро-малиновым. Крапинки оказались звездами на небе преиспод-ней. Я доставал их руками.

Главное — написать так, как никто до тебя.

Прощай, Архитектурный! Я делаю не только и не столько витражи. Я знаю одного поэта, закладывающего за галстук. Я закладываю виражи в ломбард Абсурда.

Я смешиваю берлинку, умбрию, кадмий и выливаю себе за шиво-рот. Озадачен даже привыкший ко всему Ю. П. Любимов. По сравне-нию с «Антимирами» — это прогресс.

Дыры мяукают, облаклявая мои автопортреты. Аэропорты половиц плюются черной слюной. Ваза со шкафа прыгает мне на плечи. Козел на саксе, как стусок вакуума, заруливает в желудок поколения.

В адском пламени горели капители и Капулетти. Аплудисменты в мой адрес переходили в овацию. Трясло Альберт-холл и Олимпию. Я изнемогал. Мировые дыры истории, усмехаясь по-мефистофельски, зияли вокруг. Я намылился и проник в Никуда.

Больше я себя не видел.

ПАРОХОДНАЯ ПАСТЕЛЬ

(Инна Гофф)

Все началось с того, что Миша разошелся с Иришей, Гриша бросил Маришу, а Сима ушла от Фимы.

Когда-то все мы учились в одном классе. И жили в одном дворе, где пахло свежестыраным бельем, баклажанами и бескорыстной дружбой.

Жизнь прекрасна. Но она в тысячу раз прекраснее, когда приходит любовь.

Одна за другой в нашем дворе бушевали свадьбы. И казалось, что это — навсегда.

А потом была жизнь длинная, как путь от Кинешмы до Антананариве и обратно...

Прошло столько лет!..

И вот сейчас мы все вместе случайно оказались на теплоходе «3. Горыныч».

Но мы уже не друзья.

Больше всех переживаю я. Во-первых, если переживать красиво, получается премиленькая проза! А во-вторых, я так привыкла, что они счастливы! Миша с Иришей, Гриша с Маришей, а Фима с Симой...

Течет река Волга. «3. Горыныч» — классный теплоход. Вода, вода, кругом вода... Где-то там внизу плавают осетрина с лососями. Под майонезом это вкусно. Медленно проплывают берега. Один правый, другой левый.

Миша с Иришей стоят на корме. Пятнадцать суток они не размыкают объятий. Пугая чаек, целуются на носу Гриша с Маришей. А Фима с Симой не выходят из Фиминого люкса. Сима — генетик, Фима — скелетик, им есть о чем поговорить и что вспомнить.

А я неприкаянно брожу по теплоходу и думаю.

Первая любовь не забывается. Она светла, как стосвечовая лампочка. И я понимаю, почему мои друзья ищут уединения. И не хочу судить их за это. Хотя я знаю, что Миша теперь женат на Симе, Ириша замужем за Гришей, а у Фимы и Мариши недавно родился внук.

САВОНАРОЛА-82

(Сергей Есин)

Володя, в прошлом чемпион мира, Европы и Азии, а ныне боец военизированной охраны, припарковал «Жигули» у подъезда и легко взбежал на свой шестнадцатый этаж.

Он любил свою квартиру, любил все, что было в ней. А было немало! Богемский хрусталь, северский фарфор, старинное столовое серебро,

ковры, люстры, японская радиоаппаратура, финский холодильник, фэ-эргэшная плита — чудо, а не плита! — и чего только еще не было!.. Полки с рядами никем не читанных книг, стенки ломаются от барахла, а о мягкой мебели можно было бы говорить отдельно.

Полная чаша, комфорт, мечта.

Володя погрузил сильное тело в упоительное кресло, закурил «Мальборо» и стал думать о жизни. Мысли были тревожны.

Его не волновало, что его Оленьку вот уже пятый год осаждал этот миллиардер из Италии. Володя верил жене, а кроме того, лучший парикмахер микрорайона — это не шутка! Кто откажется от переходящего вымпела ради сомнительной заморской мишуры?!

Мучило другое. И с этим надо было кончать...

Он докурил сигарету и приступил к делу.

Прежде всего в мусоропровод полетели севрские сервизы, потом богемский хрусталь. Затем — столовое серебро. Из посуды Володя оставил две погнутые оловянные ложки и две обгрызенные тарелки с надписью «Общепит».

Мягкую мебель Володя уступил дворнику за четыре двенадцать, которые тот обещал отдать ему в получку. Книги подарил районной библиотеке, радиоаппаратуру — ребятам со двора, а стенки с барахлом, ковры и люстры по дешевке, не торгуясь, отдал знакомой продавщице из гастронома. Еще «спасибо» сказал.

Он хотел избавиться и от фээргэшной плиты и холодильника «Розенлев», но, вспомнив, как голоден, раздумал. Ограничился тем, что крупно нацарапал стамеской на голубой дверце холодильника любимое с детства слово. Кстати, тренер Сергей Константинович обожал его тоже; предваряя его ласковым «эй ты», он обращался так решительно ко всем своим питомцам.

Совершив этот глубоко мотивированный поступок, Володя удовлетворенно вздохнул и с наслаждением закурил одолженную у дворника папироску «Север».

Немного смущало возвращение Оленьки. «Поймет ли?..»

...Оленька закатила истерику, хотела разбить о голову мужа что-нибудь потяжелее, но в доме ничего уже не было. Но быстро успокоилась, повеселела и с песней «Главное, ребята, сердцем не стареть» принялась готовить ужин.

Поели на крышке унитаза, потому что другой поверхности в квартире не оказалось.

— А знаешь, милый, — сказала вдруг Оленька, — мне сегодня звонил этот ненормальный из Рима. Я послала его... — сияющими глазами она скользнула по дверце холодильника.

— Я знал, — улыбнулся Володя. — Мы начнем жить заново. Мы с тобой еще будем счастливы. Уже поздно. Поставь будильник на половину шестого. Завтра — начало трудовой недели.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

(Владимир Крупин)

Я хлебал лаптем щи, когда в моей жизни появилась Ирина. Она была хороша собой, а с французской косметикой и вообще неотразима.

— Чего уставилась? — как можно культурней спросил я. — Нам не по пути. Я из Вятки. Я люблю Глинку и Репина.

— А я Бенни Гудмэна и Армстронга! — улыбнулась она, и от ее улыбки я похолодел.

Я влюбился, хотя было ясно, что у нас ничего не получится. После армии от меня пахло шинелью, а от нее — «шанелью». Ведь надо же, всего одна буква разницы, а между тем это была пропасть. Она была не наша. Даже ее кобелька звали Джек.

— Это не искусство, — сказал я. — Армстронг и Бенни Гудмэн — это собачий бред!

— Это искусство! — возразила она. — Это гениально, а ты вятский лопух!

На этом наш философский спор закончился, и пошла чистая лирика. Ей со мной и вправду было тепло. С одной стороны — горячий радиатор в парадном, с другой — я.

Я обедал у них дома и на даче, пока не почувствовал, что полнею. Постепенно я отвалил от Ирины всех ее поклонников — и лысого, и бородатого, и очкарика, и доцента. Я остался около Ирины один. Меня засасывала неживая вода. Нельзя было менять свое первородство на ананасы и финский сервелат.

И я решился.

— Ира! — сказал я. — Я не любил и не люблю тебя. Мы очень разные люди. Мы расходимся как в море корабли. Не поминай лихом. Помни, когда я стану знаменитым писателем, я всегда налью тебе тарелку щей и сыму со стены лапоть. Прощай, люблюшка!

Она закусила губу и повернулась ко мне спиной.

Я ее не окликнул.

СЛОВО — НЕ ДЕЛО

(Валентин Пикуль)

В покоях царских дым коромыслом.

Анна Иоанновна, императрикс российская, взывала утробно, и от удара зверского треснул стол перламутровый работы аглицкой дерева черного.

— Ну-кась, фаульпельцы паскудные, ферфлюхтеры аспидные,

шваль енеральская, ответствуйте теперича государыне вашей: как защищать Расею думаете от супостатов пакостных?

Враз обделавшись, затрясся канцлер Головкин, сановник не пужливый, да ндрав царский на шкуре собственной зело знающий.

Грохнул сапожищами фельдмаршал Миних:

— Алебардой ево, матушка, саблю каку навострить, пику ль...

— Пикуль?! — Анна Иоанновна взревела яростно, аки бугай живота решаемый. — Обратнo про ево слышать е мочно мне! Докладайте чичас, думкопфы гугнивые, кто таков Пикуль!

Встрял вице-канцлер Остерман. Проскрипел колесом немазанным:

— Сочинитель, матушка, опосля нас проживаемый. Потомок наш окаянный, в Курляндии, провижу, обретается, откуль и ты родом... Нас, людишек века осмнадцатого, вдоль и поперек изучимши, в сосуд хрустальный с уриной царской носом поганим влез... Измывается, пища, бюрократиус...

Бирон, временщик ненавистный, очерился ехидно:

— Писарь он, грамотей анафемский, на весь род ваш царский напасть холерная. Все подушки перетряхал, под все кровати зыркнул, от глаза ево дурного не одна ты, муттер любимая, душа ангельская во гробе перевертамшись... Про тебя, возлюбленная, тако наказывал...

— Читай, ферфлюхтер дум!

— Пошто я, муттер небесная? Сил моих нет фаворитских. Ослобони, майн либер, ослаб тебя ублажаючи... Пощади, о, сударыня! На плаху пойду...

— По матерному благоутробию нашему приказываю: читай!

— «Царица пре... пре...» Не могу, муттер!

— Ишо чево! Выкуси! Опосля лягешь... Ну-кась!

— «Царица... престрашного... зраку!» — выпалил духом единым голосом силлым временщик окаянный.

Как стояла императрикс российская, так и села, сомлевши. Наконец рот разинула:

— К ноздрей вырыванижо гада ползучего! Казнить хунда холопско-го! Четвертовать перьвым, дышло вам в рот, а вас всех опосля!

— Хенде кортки, матушка! — Бирон плакал слезами горючими. — Не достигнем ево...

Скрипнул креслом вице-канцлер Остерман.

За ноги носом об ковер вытащили из залы Головкина — дух от него зело скверный шел.

...За мной, любезный читатель! Вперед, а вернее, назад!

Нет никаких сил и возможностей описать дальнейшее. История о сем умалчивает, а фантазии не хватает.

С чего начали, тем и кончим — в покоях царских дым коромыслом...

СТРАДАНИЯ ЮНОЙ ЛОРЫ

(Михаил Рошин)

Лора Д. страстно влюбилась в режиссера П. в то самое мгновение, когда увидела его впервые. Это было в Доме кино на премьере его нового фильма. Режиссер П. был неказист: невысокий, щуплый, лысоватый и не такой уж молодой. Но разве это имело значение? Лора была единственной невинной девушкой в Москве и навеки отдалась своему чувству, которое в последний раз недурно описал Иван Сергеевич Тургенев. Она любила безумно, самозабвенно, без памяти. Готова была пожертвовать ради него всем (правда, у нее ничего и не было). Думала о нем день и ночь, и времени уже ни на что не оставалось. Бросила работу и жила на иждивении своего тихого, безответного брата и кошки Степана. Она дежурила ночами у его окон, остолбенело наблюдая, как непрерывным потоком к нему входили и выходили женщины. Потом он смеясь говорил: «Их нравы!»

Режиссер П. до поры до времени ничего не знал. Но потом Лора написала ему, он расслабился, и они встретились. Случилось то, что неизбежно должно было случиться. После этого она месяц пролежала без чувств.

Лора любила; ее неземная страсть не поддается описанию. Она молилась на него, круглые сутки думала о его машине иностранной марки, о квартире в Измайлово, которую он после развода с женой оставил за собой. Если он пускал ее к себе, могла часами сквозь слезы смотреть, как он мыл на кухне горы грязной посуды, варил кофе, бегал за картошкой и хлебом. Ей хотелось чего-то возвышенного, а он был занят своими бесконечными пустяковыми делами — работал со сценаристами, репетировал с актерами, выезжал на натуру, пропадал за границей, снимал, монтировал, красовался на премьерах, получал призы, огребал невероятные деньги.

В результате у режиссера П. все начало валиться из рук, что-то мучило и тяготило его. Он перестал работать, страдал от бессонницы, плакал по ночам, говорил сам с собой, избегал Лору.

А Лора сгорала в пламени сверхъестественной, небывалой любви. Любовь испепеляла Лору. Порой она чувствовала, что теряет рассудок. Сюжет грозил зайти в тупик. Что-то было не так.

А между тем все было проще пареной репы: Лора Д. хотела выйти замуж за режиссера П., а режиссер П. совершенно не собирался на ней жениться.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

(Юлиан Семенов)

Борман смотрел на Штирлица тяжело, с нескрываемою неприязнью. Наконец спросил:

— На кого вы работаете, штандартенфюрер?

— Неважно, — ответил Штирлиц. — Пока неважно. Но я хочу дать вам добрый совет на будущее, рейхслейтер.

Борман медленно выпил рюмку шнапса, занюхал рукавом мундира, закурил предложенный Штирлицем «Беломор».

— Слушаю.

— Бросьте нацистскую шайку! — сурово произнес Штирлиц. — Плюньте на этого шизофреника, готового утопить германский народ в собственной крови. Явитесь с повинной. Или к нам, или к союзникам... Ну, отсидите...

Борман поежился.

— А не вздернут?

Штирлиц вздохнул.

— Могут. Но зато вы умрете с чувством раскаяния, как человек, осознавший свои ошибки.

— Вы так всеильны... — помолчав, обронил Борман.

— Я расстроил переговоры Вольфа с Даллесом, — жестко сказал Штирлиц. — Я натравил Мюллера на Шелленберга, а самого Мюллера отдал Кальтенбруннеру. Я...

— Вы что же, — тихо спросил Борман, — второй человек в рейхе после фюрера?

Штирлиц скромно потупился.

— Почему же второй...

За окном грохотали разрывы. Берлин обстреливали.

Борман понял, что это — конец. Он встал и молча вышел из кабинета. Больше его никто никогда не видел.

ОБЖАЛОВАНИЮ ПОДЛЕЖИТ

(Владимир Солоухин)

Страдал Гаврила от гангрены,
Гаврила от гангрены слег...

Никифор Ляпис (Трубецкой)

Все началось с того, что проездом из Олепина в Париж был я на приеме у патриарха всея Руси.

Услышав мою фамилию, патриарх благосклонно сказал: «Христос

с тобою!» — кивнул, пригубил рюмочку коньяка и откушал ложечку икорки.

Но в этот незабываемый для меня момент я вдруг почувствовал легкую ущемленную боль. Придя домой, я поднял ногу и спустил трусы (вернее, сначала спустил трусы, а потом поднял ногу). Сантиметрах в пяти ниже, .. и сантиметрах в трех правее... я увидел крохотный бугорокочек.

Естественно, я тотчас сел в машину, включил зажигание (опять кольнуло), выжал сцепление (слегка зануло) и дал газ (боль отдалась в пояснице).

...Светило было старое. Оно долго прилаживало слуховой аппарат, потом слушало мои сбивчивые объяснения, затем минут сорок искало очки и бинокль, потом вяло мяло пергаментными пальцами мой бугорок и наконец сказала:

— Э-гм.

Итак, приговор вынесен! Значит, я обречен! Меня не будет! Конечно, я предполагал, что рано или поздно это произойдет. Но почему именно я и так рано? Беру наугад знаменитые имена. Франс — 80, Тагор — 80, Толстой (Лев) — 82, Гете — 83, Чуковский — 83, Шоу — 94, Джамбул — 99.

Главное, что меня угнетало, это огромное количество незавершенных дел.

Надо начать и кончить два романа, повесть и три рассказа (стихи не в счет). Посадить и вырастить хотя бы корней 500 яблонь и груш. Взять со сберкнижки немножко денег (они как раз у меня кончились) и посмотреть у какой-то бабки икону якобы XIV века. Надо свести счета с врачами нашей ведомственной поликлиники, которые ничего не понимают ни в литературе, ни в медицине и лечат всех писателей только от геморроя (но ведь не все писатели сидят; некоторые пишут стоя и даже лежа). И, наконец, заказать в Литфонде путевки в Коктебель на август и, огорчив старую семью, осчастливить мою молодую и прекрасную Еву, к которой раньше все относились плохо, зло, жестоко, потребительски (а я превыше всего ставлю духовное начало).

Интеллигентные кавказцы на «Волгах», взглянув на нее, превращались в баранов за баранкой. Но Ева, будучи белой женщиной, предпочитала волосатым грудям и цитрусам интеллект и антоновку.

...В конце концов выяснилось, что светило потухло, совершив последнюю в своей жизни ошибку (я был здоров как племенной бык).

Если бы я был верующим, а не членом СП СССР, то, подложив дотканый коврик (чтобы не портить брюки), встал бы на колени перед иконой XVI века (10000 долларов на международном рынке коллекционеров) и сказал бы:

— Благодарю, господи!

Эпиграммы

Чингизу АЙТМАТОВУ

Хоть наш читатель умудрен,
Но тут он натерпелся страху.
Ведь он не просто покорен,
Он угодил на «Плаху»!

Маргарите АЛИГЕР

Сказал однажды некто незабвенный,
Явив тем самым рыцарства пример:
«Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигер!»

Владимиру АРРО

У драматурга острое перо,
Не зря мир театральный удивился.
«Смотрите, кто пришел!» — сказал Арро
И сам явился.

Виктору АСТАФЬЕВУ

Мы ценим писателя острое слово,
Стремимся прочесть поскорей.
Но после «Царь-рыбы» — такого улова! —
Неловко ловить пескарей...

Олегу БАСИЛАШВИЛИ

Один момент мне непонятен,
Да как же так в конце концов:
Интеллигентен, мил, приятен,
А все играет подлецов?..

Василию БЕЛОВУ

«Все впереди» — роман весьма увесистый,
И явственно увидите в нем вы
Лик автора под клюквою развесистой
Посередине матушки-Москвы.

Аркадию ВАКСБЕРГУ

Хотя его годы не так уж и молоды,
На страже закона он — смерч!
Вот он из Керчи устремляется в Вологду,
И тут же — из Вологды в Керчь.

Георгию ВИЦИНУ

Зритель любит Вицина и ждет,
А увидев, горестно вздыхает.
Дело в том, что сам артист не пьет,
А его герой не просыхает...

Валентину ГАФТУ

На Гафта? Эпиграмму?! Ну уж нет!
Ведь от него же никуда не скроешься.
А Гафт, хоть он актер, а не поэт,
Так припечатает, что не отмоешься...

Зиновию ГЕРДТУ

Давным-давно знакомый профиль,
Гляжу, а страха никакого.
Да, он — князь Тьмы, он — Мефистофель
По воле Миши Козакова.

Илье ГЛАЗУНОВУ

Вы восторгаетесь? Я — за!
Но смущены, однако, вы:
Что ни портрет — одни глаза,
И всюду — одинаковы!

Григорию ГОРИНУ

На память я не жалуюсь. И кстати
Большой вопрос о памяти замнем.
Возможно ли забыть о Герострате,
Когда сам Горин написал о нем!

Евгению СИМОНОВУ

Знакомьтесь: удивительный талант.
Я не видал других таких талантов:

Среди режиссеров лучший музыкант
И лучший режиссер среди музыкантов!..

Михаилу ЖВАНЕЦКОМУ

Хотя Жванецкий и не поэт,
Я с ним, как с другом, никогда б не расстался!
Хотя министра мясной и молочной промышленности уже нет,
А Жванецкий — остался!

Юрию ЖУКОВУ

Причин для беспокойства нет,
Он все сомнения развеет.
У нас вопрос лишь только зреет,
А у него — готов ответ!

Ирине КОЛПАКОВОЙ

Поймет и вовсе бестолковый:
Счастливый выпал ей билет,
Поскольку Кировский балет
«Под колпаком» у Колпаковой.

Кириллу ЛАВРОВУ

Коль вдруг недоброю порой
Его обидеть захотите,
Перо немедля положите...
Он — положительный герой!

Евгению ЛЕОНОВУ

Они похожи. Ходит слух
Упорный среди миллионов,
Что его имя — Винни Пух,
А псевдоним — Леонов.

Валерию ЛЕОНТЬЕВУ

Туалеты у него—
Рюши, блески, вытачки...
А движенья?! Кто его
Дергает за ниточки?

Георгию МАРКОВУ

Не оценить мы не могли
Его полотен ширь.
Кто не осилит «Соль земли»,
Тому грозит «Сибирь»!

Раймонду ПАУЛСУ

Он с детства с музыкой дружил,
А их так мало, нот...
И если что-то одолжил,
То, видимо, вернет.

-Алле ПУГАЧЕВОЙ

Никого не обижаю
И в пророки не гожусь.
Пугачеву обожаю,
Пугачевщины — боюсь!..

Эдварду РАДЗИНСКОМУ

Во времена Нерона и Сенеки
Ведь тоже жили люди-человеки.
И чтобы быт познать их исполинский,
Туда командирован был Радзинский.

Эльдару РЯЗАНОВУ

В нем не пропал комедиограф.
Его нашел кинематограф.
Так, может, он еще поэт?
Но чего нет, того уж нет...

Юрию СЕНКЕВИЧУ

Свидания с ним интересны всегда,
Весь мир перед нами прошествует.
К тому же у нас разделение труда:
Мы смотрим, а он — путешествует.

Георгию ТОВСТОНОГОВУ

Достиг в искусстве многого
Кумир проспекта Невского.
Мы любим Достоевого,
Простите, Товстоевского...

Михаилу УЛЬЯНОВУ

Ко всему, говорят, привыкается
В жизни, в творчестве, так или иначе...
Он уже, говорят, откликается
На «Геorgia Константиныча»...

Геннадию ХАЗАНОВУ

Узнав, что Хазанов меня пародирует,
Я было решил, что артист деградирует.
Потом, посмеявшись, открыл как бы заново
Любимого мною артиста Хазанова.

Сергею ЮРСКОМУ

Когда б его услышал сам
Месье Гюи де Мопассан,
Должно быть, слезы б он глотал:
«Мне б так писать, как он читал!..»

Юрию БОНДАРЕВУ,
автору романа «Игра»

Дабы с начальством не затеять ссоры
И крест не ставить разом на судьбе,
О, пожилые кинорежиссеры,
Вы сук рубите по себе!..

Сергею БОНДАРЧУКУ

Взяв гениальную основу,
Он фильм поставил. Не каприз
Руководил им, а девиз:
«Вперед! и горе Годунову!»

Борису МОЖАЕВУ

До тех пор, пока он дышит,
Сил ему не занимать:
И про Кузькина напишет,
И его покажет мать!..

СОДЕРЖАНИЕ

1. Стихотворцы

Знак судьбы	3
Эксперимент Вегина	3
Проблеск гуманности	4
На полпути к полудраме	5
Родословная	6
Божья благодать	6
Электронные стихи	7
Автопортрет	8
Зимняя фантазия на Сенатской	8
Путь в классики	9
Космическая неудача	10
К вопросу о бессмертии	11
Хоть плачь	11
Душевный разговор	12
Сонет об умении брать в долг	13
Диалог	13
Из-за мыслов	14
Гордая душа на воле	15
Осколки диалектики	15
Поиск звания	16
Песенка про поэта	17
Надо или?..	17
Поем о своем	18
Голос из мрака	18
Когда-то в Москве	19
Неразбериха	20
Среди грибов	21
Страсти-мордасти	21
Жуткий случай	23
Размышления о бессоннице, фасоне и Фогельсоне	24
В тоске по идеалу	25
На конюшне	25

2. Прозаики

Дорога на эшафот	26
Двое в комнате	27
Пессимистическая комедия	29
Только хвост позади	30
На карачках к истине	31
О—О—О!	32
Пароходная постель	34
Савонарола-82	34
Музыкальный момент	36
Слово — не дело	36
Страдания юной Лоры	38
Восемнадцатое мгновение весны	39
Обжалованию подлежит	39

Эпиграммы

Чингизу Айтматову	41
Маргарите Алигер	41
Владимиру Арро	41
Виктору Астафьеву	41
Олегу Басилашвили	41
Василию Белову	41
Аркадию Ваксбергу	42
Георгию Вицину	42
Валентину Гафту	42
Зиновию Гердту	42
Илье Глазунову	42
Григорию Горину	42
Евгению Симонову	42
Михаилу Жванецкому	43
Юрию Жукову	43
Ирине Колпаковой	43
Кириллу Лаврову	43
Евгению Леонову	43
Валерию Леонтьеву	43
Георгию Маркову	44
Раймонду Паулсу	44
Алле Пугачевой	44
Эдварду Радзинскому	44
Эльдару Рязанову	44
Юрию Сенкевичу	44
Георгию Товстоногову	44
Михаилу Ульянову	45

Геннадию Хазанову	45
Сергею Юрскому	45
Юрию Бондареву	45
Сергею Бондарчуку	45
Борису Можяеву	45

Александр Александрович ИВАНОВ

СЛОВО — НЕ ДЕЛО

Редактор А. В. Караулов

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 04.12.87. Подписано к печати 10.02.88. А 10315. Формат 70 x 108^{1/2}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Учетно-изд. л. 2,42. Тираж 150 000 экз. Зак. № 1688. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.